

Линь Фэй вспомнил маленького Цзи Ляю, который крепко обнимал его и не хотел отпускать, и снова вздохнул.

Он был разочарован поступками Цзи Ляю, но разочарование не было целью. В конечном итоге, он просто хотел, чтобы Цзи Ляю стал законопослушным человеком.

Ему было все равно, что случится с Чжэн Биньбо, но его брат не мог быть убийцей. Это было важно.

Линь Фэй подумал об этом и вспомнил взгляд Цзи Ляю, когда тот смотрел на него в последний момент.

Его глаза были слегка красными, словно наполненными водой, полными грусти и обиды. Но он ничего не сказал, не посмел сказать, а просто послушно, как и просил Линь Фэй, ушел в свою комнату.

Он был мастером в оправданиях, мог превратить черное в белое, но на этот раз он не произнес ни слова. Он просто молча, с печалью и неохотой ушел.

Линь Фэй, вспоминая его выражение лица, когда он уходил, почувствовал, что не может оставить его в таком состоянии. Он боялся, что Цзи Ляю действительно будет плакать всю ночь.

Он хотел преподать ему урок, чтобы он больше не повторял своих ошибок, но не хотел, чтобы Цзи Ляю страдал слишком сильно, не мог спать и был в постоянном страхе.

В конце концов, Цзи Ляю уже понял его отношение и почувствовал, как тяжело быть отвергнутым и не заслужить доверия. Он должен был запомнить это чувство и не хотеть испытывать его снова.

Линь Фэй встал и, с сожалением, открыл дверь.

Цзи Ляю, потерянный и растерянный, вернулся в свою комнату. Он не понимал, как все дошло до этого. Еще в обед они были в порядке, а теперь Линь Фэй выгонял его.

Он уже понял свою ошибку, он больше так не будет, так почему нельзя простить его хотя бы один раз?

Его слезы наконец потекли.

В месте, где Линь Фэй не мог его видеть, в его собственной комнате, он сидел на кровати, и слезы непрерывно катились по его щекам.

В этот момент он полностью пожалел о том, что сделал сегодня.

Разве он не знал, что Линь Фэй разозлится, узнав о его поступке?

Конечно, знал. Поэтому он и не сказал Линь Фэю, что встречался с Чжэн Биньбо, поэтому ему нужно было использовать Ши Ци как прикрытие.

Потому что и он, и Линь Фэй знали, что он никогда не пошел бы в школу раньше ради Чжэн Биньбо. Если он пошел, значит, что-то было не так.

Он думал, что сможет решить все до того, как Линь Фэй придет, что сможет скрыть это. Даже

когда Линь Фэй застал его, он думал, что Линь Фэй не злится, что он не придает этому значения.

Но теперь он понимал, как Линь Фэй мог не злиться?

Когда он сбросил Чжан Юэ с лестницы, Линь Фэй уже тогда его отчитал, а сегодня это была сцена.

Линь Фэй просто не хотел ссориться с ним при людях, хотел дать ему шанс признать свою ошибку, но он подумал, что Линь Фэй не придает этому значения.

Он всегда был таким, никогда не анализировал свои поступки, никогда не считал, что он неправ. Если Линь Фэй не говорил, он никогда не думал, что сделал что-то не так.

Раз за разом, как Линь Фэй мог не разочаровываться?

Поэтому он больше не хотел ему доверять, поэтому он заставил его уйти.

Он предал доверие Линь Фэя, как он мог ожидать, что Линь Фэй будет относиться к нему так же, как раньше?

Цзи Лэю опустил голову, слезы затуманивали его глаза.

Он обнял свои колени и спрятал лицо.

Он ошибался, он действительно понял свою ошибку.

Он плакал, когда вдруг свет в комнате зажегся.

Цзи Лэю удивленно поднял голову и увидел Линь Фэя в дверях.

Свет падал на его лицо и освещал сердце Цзи Лэю.

Цзи Лэю замер, его глаза, полные слез, моргнули, и слезы затуманили его зрение.

Внезапно он вспомнил, как выглядит сейчас, и быстро отвернулся, натянул одеяло и, прячась, сказал:

- Я спать.

Линь Фэй услышал сдерживаемые слезы в его голосе и увидел, как он быстро отвернулся. В его сердце было полно сожаления.

Он предполагал, что Цзи Лэю будет плакать, но не ожидал, что он будет плакать так сильно.

После случая с Цзян Цзиншо Цзи Лэю давно не плакал.

В детстве он часто плакал, потому что знал, что детские слезы вызывают сочувствие. Поэтому он использовал слезы как оружие, иногда проливая пару капель, чтобы выглядеть невинным и обиженным.

Но когда он подрос, он понял, что слезы больше не так эффективны, поэтому перестал плакать.

Слезы всегда были его оружием, как и его мягкость, которую он показывал только тем, кому

это было нужно.

А сейчас он плакал в одиночестве, в своей комнате, где его никто не видел.

Линь Фэй тихо закрыл дверь и подошел к его кровати.

Он сел на край кровати.

Цзи Ляю не ожидал, что он подойдет, и на мгновение растерялся.

Он опустил голову, хотел посмотреть на Линь Фэя, но боялся, что тот увидит его красные глаза.

Он колебался, когда почувствовал, как рука легла на его голову.

Линь Фэй сел рядом с ним, погладил его волосы и мягко сказал:

- Почему ты снова плачешь?

Цзи Ляю почувствовал, как ему стало еще хуже, его глаза наполнились слезами.

Он ничего не сказал, Линь Фэй наклонился к нему, его рука мягко коснулась его щеки, и он тихо сказал:

- Я говорил тебе всё это не для того, чтобы ты плакал.

- Я просто хотел, чтобы ты понял: есть вещи, которые ты можешь делать, а есть такие, которые ты никогда не должен делать.

- Если ты поступишь так, ты навредишь не только мне, но и нашему доверию.- Я не хотел, - торопливо сказал Цзи Ляю.

Как он мог хотеть разрушить их доверие? Он просто хотел проучить Чжэн Биньбо, и только. Какое это имеет отношение к их доверию?

- Я знаю, - Линь Фэй продолжал гладить его щеку, его голос был мягким. - Конечно, я знаю, что ты не хотел разрушить наше доверие. Но задумывался ли ты, почему каждый раз, когда я вижу, как ты кого-то проучил, или узнаю от других, что ты тайком сделал что-то, я закрываю на это глаза и никогда не спрашиваю, почему ты не сказал мне заранее? Ведь мы договорились, что ты будешь говорить мне, не так ли?

Линь Фэй мягко, но настойчиво продолжал:

- Потому что я верю в тебя.

- Я верю, что у тебя есть чувство меры. Я верю, что за столько лет ты не станешь делать слишком опасные вещи. Я верю, что ты заботаешься обо мне и не станешь делать то, что я не одобряю. Поэтому, когда ты сказал, что просто подрался, я поверил, что это всего лишь драка. Иногда мне даже казалось, что ты, возможно, сделал что-то большее, чем просто ударил его, но раз он выглядел невредимым, я не стал задавать лишних вопросов, давая тебе немного свободы.

- Но как ты поступил? Ты пошёл с Чжэн Биньбо на крышу. Ты толкнул его. Ты знал, насколько это опасно, знал, что я не одобряю это. Поэтому ты даже не сказал мне, что идёшь к Чжэн Биньбо, а просто сказал, что встречаешься с Ши Ци. Я поверил тебе, я не пошёл с тобой в

школу. И что в итоге? Вот как ты оплатил за моё доверие?

- Я не хотел этого, - поднял голову Цзи Ляю, глядя в глаза Линь Фэя, его взгляд был полон искренности. - Когда я шёл к нему, я не знал, что он предложит пойти на крышу. Я просто хотел проучить его, но он сам повёл меня туда, и я...

- Он позвал тебя на крышу, он сказал то, что не должен был говорить, сделал то, что не должен был делать. Это его дело. Меня не волнует, что с ним происходит, поэтому мне всё равно, что он делает. Даже если бы он сегодня сам спрыгнул с крыши, мне было бы всё равно.

- Меня волнуешь только ты. Поэтому я говорю только о твоих поступках.

Цзи Ляю смотрел на него, не говоря ни слова.

- Ты думаешь, что не сделал ничего плохого? Даже сейчас ты не считаешь, что был неправ? - спросил Линь Фэй.

Цзи Ляю покачал головой. Конечно, он был неправ. Он расстроил Линь Фэя, и это было его ошибкой.

Жизнь Чжэн Биньбо не имела значения, но то, что Линь Фэй расстроился, было важно.

- Мне не следовало расстраивать тебя, - тихо сказал он. - Мне не следовало думать, что ты не рассердишься из-за этого. Я видел, что твоё выражение лица изменилось, но поскольку ты вёл себя как обычно, я решил, что ты не сердишься.

- Прости, - признал свою ошибку Цзи Ляю. - Я больше так не буду.

Линь Фэй, услышав это, наконец расслабился.

Цзи Ляю был по натуре эгоистичным и жестоким. Заставить его заботиться о других, раскаиваться из-за чужих ран - это было бы несбыточной мечтой.

Поэтому единственное, что могло сдерживать его, - это не мораль или закон, а его чувства к тем, кого он любил.

Как сейчас: он всё ещё не считал, что поступил неправильно с Чжэн Биньбо, но он расстроился из-за того, что рассердил Линь Фэя, и извинился.

Этого было достаточно. Так он мог оставаться его сдерживающим фактором, удерживающим его от опасных мыслей.

- Ты действительно был неправ, - тихо сказал Линь Фэй. - Но сегодня я тоже был неправ.

- Я забыл, что жадность - это человеческая природа, а наглость - это естественно. Я думал, что ты вырос, что у тебя есть своя гордость, что я должен доверять тебе и дать тебе немного свободы. Но я забыл, что с твоим характером, если я буду закрывать глаза, ты расслабишься и снова начнёшь размывать границы опасного.

- Это я создал у тебя такое впечатление. Я был слишком беспечен.

- Нет, - покачал головой Цзи Ляю. - Какое это имеет отношение к тебе? В чём твоя ошибка? Ты вообще ничего не знал.

Как Линь Фэй мог быть неправ?

Линь Фэй никогда не мог быть неправ, тем более из-за него.

Как он мог позволить себе стать ошибкой Линь Фэя?

Цзи Лэю не мог этого принять.

Выражение лица Линь Фэя было спокойным, даже с оттенком нежной мягкости.

Он смотрел на покрасневшие от слёз глаза Цзи Лэю, и его сердце переполняла нежность.

Он похлопал себя по колену, предлагая Цзи Лэю лечь.

Цзи Лэю смотрел на него, долго не двигаясь, но в конце концов медленно положил голову ему на колени.

Линь Фэй погладил его ухо. Уши Цзи Лэю были мягкими, мочки тонкими. С виду он казался таким мягким и добрым.

Но его сердце было куда твёрже, чем его внешность.

- Как это может не иметь ко мне отношения? - мягко сказал Линь Фэй. - Все эти годы твои тёмные мысли сдерживались мной. Я держал верёвку, которая ограничивала твою злобу. Если я ослаблял хватку, твоя злоба распространялась. Если я затягивал, твоя злоба отступала.

- Ты по натуре безрассуден и безразличен к жизни других. Поэтому я должен был крепче держать верёвку, сдерживая твою злобу. Так как это может не иметь ко мне отношения?

- Но если я не говорю тебе, как ты можешь знать? - поднял голову Цзи Лэю, глядя прямо в глаза Линь Фэя. - Ты ничего не знал, так в чём твоя ошибка?

- Поэтому с сегодняшнего дня, прежде чем кого-то проучить, ты должен сообщать мне. Обещай, что каждый раз будешь говорить мне, ничего не скрывая, и больше не пойдёшь в опасные места. Понял?

Линь Фэй погладил его щёку.

- Я могу простить тебя на этот раз, как и раньше, продолжать верить тебе, продолжать заботиться о тебе. Но на этот раз ты должен сдержать своё слово, иначе я очень разозлюсь.

- И тогда я действительно перестану тебя опекать.

Цзи Лэю испуганно замотал головой и схватил его руку.

Его голос был тихим, он крепко сжимал руку Линь Фэя, словно боясь, и прошептал:

- Не надо.

Линь Фэй обнял его и погладил по затылку.

- Не бойся. Если ты будешь вести себя хорошо и больше не будешь делать опасные вещи за моей спиной, я, конечно, не разозлюсь и не перестану заботиться о тебе.

- Разве я мог бы действительно перестать опекать тебя? - мягко успокоил он. - Я просто не хочу, чтобы ты совершил что-то непоправимое.

- С самого детства я опекал тебя так долго, как я мог бы действительно оставить тебя без внимания?

- Угу, - покорно кивнул Цзи Ляю, поцеловав его руку. - Я больше никогда так не буду.

- Вот и хорошо, - Линь Фэй одобрительно погладил его по голове.

Ему не нужно было, чтобы Цзи Ляю отвечал добром на зло или прощал прошлое. Цзи Ляю по натуре был мстительным, заставить его терпеть обиды было просто невозможно. Поэтому он никогда не требовал от Цзи Ляю быть хорошим человеком. Быть хорошим было слишком далеко от Цзи Ляю, он не мог этого сделать, и ему не нужно было этого делать. Он просто хотел, чтобы Цзи Ляю соблюдал закон.

Может быть, не так строго следовать правилам, но нельзя переступить закон.

Если он переступит закон, даже если в конце концов сможет скрыть это и выйти сухим из воды, он больше не будет собой.

Его брат был простым и чистым человеком, его мир был чёрно-белым. Линь Фэй не хотел, чтобы его мир окрасился в красный.

Он хотел, чтобы он всегда жил чисто и честно.

Он наклонился и поцеловал ухо Цзи Ляю.

Цзи Ляю удивлённо поднял голову, в его глазах читались растерянность и недоумение.

Линь Фэй усмехнулся, потянул его за ухо и мягко сказал:

- Чтобы утешить тебя.

Цзи Ляю вдруг вспомнил их детство, когда он злился на Линь Фэя за то, что тот не разрешил ему пойти с ним в первый класс. Тогда Линь Фэй тоже подошёл к нему и поцеловал его в щёку.

Он сказал: «Мой дядя сказал, что если я поцелую его, он станет счастливее. Теперь я поцеловал тебя, ты можешь быть счастливее?»

Это был первый раз, когда Линь Фэй поцеловал его. Он специально подставлял щёку, чтобы Линь Фэй поцеловал его несколько раз.

Но потом они выросли, и Линь Фэй больше не целовал его.

А теперь он снова поцеловал его.

Цзи Ляю вдруг почувствовал горечь и обиду, он обнял Линь Фэя и прижался к нему.

Линь Фэй гладил его по волосам, и через некоторое время Цзи Ляю снова поднял голову, жалостливо глядя на него.

- Ещё, - сказал он.

- Что ещё? - Линь Фэй был немного озадачен.

Цзи Лэю взял его руку и осторожно поцеловал её.

- Хочу, чтобы брат поцеловал меня, - он смотрел на Линь Фэя, его губы мягко касались его пальцев, он нежно капризничал.

<http://bllate.org/book/14691/1312539>